

ЛЕВ МИХАЙЛОВИЧ ЛОПАТИН

ПСИХОЛОГ
СВЕРХЧУВСТВЕННЫХ МИРОВ
(1855 — 1920)

В конце XIX в. через Московский университет, и в частности, через лекции М.М.Троицкого, прошли многие самобытные философы. И хотя Лев Михайлович Лопатин явно не числился среди его любимых учеников, именно он, чуть ли не единственный, перенял от него действительно глубокий интерес к психологии. Причем, несмотря на всю свою критичность, он как бы незаметно для самого себя заимствовал у того многие психологические постулаты: о «субъективности познания», о «пространственности материальных объектов и темпоральности духовных», о «логической природе мышления», о приоритете самонаблюдения над другими методами психологии. Кроме того, он воспринял и общий взгляд на современную философию (и психологию, которая «не дала ничего нового, что не было бы известно еще в прошлом веке». Как считал Е.Н. Трубецкой, Лопатин «остался совершенно вне всякого влияния философской мысли Канта... сохранил почти в полной неприкосновенности философский стиль эпохи Лейбница. Рационалистическое доказательство бытия Божия и бессмертие души, философский плюрализм динамических субстанций и «спиритуализм» — все это черты, переносящие в духовную атмосферу докантовской философии»¹. Тем не менее совершенно несправедливо было бы видеть в трудах Лопатина лишь повторы давно прошед-

шего — в них была предпринята уникальная попытка описать душу как целое, и это в то время, когда позитивизм с его стремлением все разложить на элементы считался в России «единственным научным мировоззрением и всякая метафизика была предосудительна».

Л.М. Лопатин с самого детства — родился он в Москве, 1 июня 1855 г. — и до последних дней жизни находился в исключительно культурной, «рафинированной» среде московской интеллигенции: про него говорили, что он был москвич в том смысле, что признавал только узкие круги «своих». Его отец, Михаил Николаевич, деятель первых пореформенных судов и публицист, принадлежал к старинному, но небогатому дворянскому роду Орловской губернии, проработал всю жизнь в различных судебных учреждениях Москвы и лишь после тридцати лет службы (при личном содействии Вл.С. Соловьева был назначен председателем одного из департаментов Московской судебной палаты; а мать, Екатерина Львовна, была сестрой математика П.Л. Чебышева. Традиционно московская атмосфера, царившая в семье, решительным образом повлияла на судьбы всех детей Лопатиных: один брат Льва Михайловича, Николай, стал собирателем и исполнителем русских народных песен (его любил слушать Л.Н. Толстой, другой, Владимир — актером Московского художественного театра, а сестра приоб-

¹ Трубецкой Е.Н. Воспоминания. София, 1921. С. 185.

рела известность как писательница под псевдонимом Е. Кольцова. Когда в 1872 г. Лопатины обосновались в отдельном особняке около Пречистенки, на углу Гагаринского и Хрущевского переулков (ныне ул. Рылеева, 15), они стали устраивать «лопатинские среды»: с осени до весны по средам еженедельные вечера с ужином, где собирались и засиживались до 2—3 часов ночи наиболее интересные представители интеллектуальной жизни Москвы. «В Москве в то время не было дома, который бы столь ярко олицетворял духовную атмосферу московского культурного общества, как дом Лопатиных... Благодаря удивительной простоте, радушию и истинно московскому хлебосольству хозяев, дом Лопатиных был одним из самых приятных в Москве. Центром «умных разговоров» был крошечный облицованный белым мрамором кабинет Михаила Николаевича, всегда переполненный до последних пределов вместимости и покрытый густыми облаками табачного дыма. Там иногда, при общем хохоте, Соловьев декламировал какое-нибудь свое юмористическое стихотворение, ораторствовал Ключевский или Поливанов смаковал какую-нибудь последнюю новинку, только что вышедшую из-под пера Льва Толстого...»². Друзьями «старика Лопатина» были И.С. Аксаков, А.Ф. Писемский, С.М. Соловьев, И.Е. Забелин; в «лопатинских средах» участвовали А.Н. Островский, Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.Н. Плещеев, А.А. Фет, Ф.И. Тютчев, К.С. Станиславский, В.И. Немирович-Данченко, М.М. Антокольский, В.И. Герье, Н.В. Бугаев, С.С. Корсаков, А.М. Иванцов-Платонов, А.Ф. Кони и многие другие.

В судьбе Льва Михайловича атмосфера подобных вечеров сыграла определяющую роль, тем более что он был впечатлителен и чутко реагировал на все, что делалось вокруг. Очень сильно он был привязан к своим братьям. «Лева — болез-

ненный, белокурый высокий худой мальчик с голубыми глазами — был отвлеченный и более рассудительный, поэтому с ним советовались: он предупреждал и удерживал, но не мог устоять и делал то же, что оба старших. Проникся интересом нового предприятия — скатиться в лесу с крутого обрыва к речке, но вместо того, чтобы лечь боком, перекувырнулся через голову, да так и пошел вниз с кручи, между пнями и стволами, не в силах удержаться и кувыркаясь головой»³. Но, пожалуй, еще больше, чем к братьям, Лопатин был эмоционально привязан к Вл. Соловьеву, дружба с которым началась в 1862 г., когда их семьи отдыхали летом в подмосковном селе Покровское-Глебово (ныне: Покровско-Стрешнево около р. Химки. Тогда цель их деятельности, в которой неизменно участвовал и Николай Лопатин, «состояла в том, чтобы наводить ужас на покровских обывателей, в особенности женского пола»⁴, и, конечно, инициатором этих забав был не Лев Лопатин. К этому надо добавить, что в Московской частной гимназии Л.И. Поливанова, где учился Лопатин и где на произведениях Шекспира, Жуковского, Пушкина сформировалась его выразительная русская речь, был драматический кружок, и он на протяжении десяти лет был его активным участником (любимой была роль Яго из «Отелло».

Уже в силу склада своего характера Лопатин очень рано стал интересовался мировоззренческими вопросами. Как он сам потом признавался, в годы отрочества и юности он испытал сильное влияние славянофилов, многих из которых знал лично и с которыми чувствовал духовное родство. Благодаря поддержке отца, хорошо знавшего классическую философию (особенно Спинозу), Лопатин начал с изучения Беркли и Гегеля. Но уже тогда основным способом его философствования было не чтение книг, а проговаривание мыслей вслух, живое общение, прежде всего с Вл. Соловьевым.

² Там же. С. 180.

³ *Ельцова К.* Сны нездешние (к 25-летию кончины В.С. Соловьева) // *Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал.* Париж, 1926. XXVIII. С. 253.

⁴ *Соловьев Вл.* Письма / Под ред. Э.Л. Радлова. Пб., 1923. С. 60.

И очень показательно, что он, сохранив до конца дней чрезвычайно теплое, «братское» отношение к Соловьеву, смог все-таки уйти из-под влияния его идей: «Соловьев до основания поколебал мою наивную детскую веру, когда мне было всего 12 лет, и с тех пор мне пришлось долго и мучительно отрабатывать свое мировоззрение в непрерывной борьбе с ним. Эта борьба потеряла свою остроту к моему 15-летнему возрасту. Мы сошлись на философском идеализме... Я старался объяснить предпосылки идеалистического мировоззрения в духе берклеевского теизма и второй системы Фихте»⁵. Особенно яростные, «дремучие» споры, которые велись обычно в Нескучном саду, были о Гегеле, а наибольшего согласия они достигли в отношении христианства, но и здесь по ряду вопросов занимали диаметрально противоположные позиции (в частности, по вопросу о свободе воли).

И сама атмосфера «лопатинских сред», и общение с яркими индивидуальностями (среди которых было много «богемных» натур) не только определили умственный и нравственный потенциал Лопатина, но и послужили образцом того стиля жизни, из-за которого его всегда считали чудаком и оригиналом. Это и непрерывные разговоры (как называл их Л.Н. Толстой, «философская болтовня по призванию»), и неумеренное курение, и позднее вставание ото сна и, наконец, полнейшее отсутствие бытовых интересов. Показателен такой эпизод: с поступлением в университет Лопатин перебрался на второй этаж лопатинского особняка, в маленькую комнату антресолей мезонина, такую низкую, что до потолка можно было дотянуться рукой, а Соловьев «всякий раз остерегался удариться головой о косяк двери». Эта комната показалась Лопатину столь невзрачной, что он решил как-нибудь дотянуть до весны, но... так и остался в ней на всю жизнь. Значительно

позже, когда родные Лопатина продали дом общине сестер милосердия, он выхлопотал у новых хозяев разрешение остаться в своей «детской», не представляя себе, как и куда можно из нее переехать⁶. Обстановка в этой комнате все время оставалась предельно аскетической: кровать, умывальник, два стола, несколько стульев, на одном гвоздике, вбитом в стену, висел уже завязанный галстук, на другом — иногда полотенце, в одно время портрет М.К. Морозовой. Уже будучи профессором и полностью уйдя в умственные сферы, он показывал классические образцы непрактичности и рассеянности: после обеда спрашивал у окружающих, а что же он все-таки ел. Успеха у барышень не имел, ухаживать не умел, хотя относился к дамам по-рыцарски⁷, и на женитьбу так и не решился: «Да как же я женюсь, вдруг у меня ребенок заболеет — что же я тогда буду делать»⁸, а между тем самым большим удовольствием в его жизни было делать подарки детям. В практических вопросах он не разбирался совершенно, особенно в каких-либо «формальностях или учреждениях», поэтому при нем обязательно должен был находиться лакей, а по всевозможным собраниям его развозил неизменный извозчик: ездить, как и ходить, он опасался — «боязливо озираясь, не едет ли поблизости трамвай, по временам тревожно восклицал: «Чудак, ты, Спиридон, куда гонишь!»⁹.

Чувствуя себя уверенно только в интеллектуальных сферах, Лопатин после окончания историко-философского факультета Московского университета надеялся остаться на кафедре. Но Троицкий сначала воспрепятствовал этому. И некоторое время Лопатину пришлось быть преподавателем русского языка в казенном реальном училище, где он очень страдал от шалостей учеников. Но тем не менее эта деятельность ему нравилась, и он продолжал ею заниматься на протяжении всей своей жизни.

⁵ Фирсова Л.В. Персонализм в системе русского идеализма конца XIX — начала XX в. // Вестник МГУ. Сер. Философия. 1988. № 5. С. 29.

⁶ Трубецкой Е.Н. Воспоминания. София, 1921. С. 183.

⁷ Корелина Н.П. За пятьдесят лет (воспоминания о Л.М. Лопатине) // Вопросы философии. 1993. № 11. С. 116.

⁸ Трубецкой Е.Н. Воспоминания. София, 1921. С. 189.

⁹ Корелина Н.П. За пятьдесят лет (воспоминания о Л.М. Лопатине) // Вопросы философии. 1993. № 11. С. 117.

Гагаринский переулок, дом № 15, в котором проходили «лопатинские среды». В 1872–1917 гг. особняком владели Лопатины.

ни: преподавал и философию, и русскую литературу в женской гимназии С.А. Арсеньевой, в гимназии Поливанова, на Московских высших курсах Герье. Читал логику и психологию, как правило, очень далеко выходя за рамки курсов и заменяя изложение предмета экскурсами в историю философии и собственными поучениями¹⁰. Всем своим ученикам и ученицам ставил пятерки — если случилось, что кто-то не знал ответа, сердился и грозил поставить четверку или спросить на следующем уроке. Одно время у него учился Андрей Белый, но он находил, что учиться было скучно, и развлекал себя составлением портрета Лопатина: «Странноватые красные губы, совсем как у мавра; очки золотые; под ними же — овечьи глаза (не то перепуганные, а не то пугающие; лобик маленький головки маленькой; жидко прикрытой зализанными жидковатыми волосятами; слабые ручки, перетирающие

бессильно друг друга под бородкою протянутою; а идет с перевальцем; переступая с бессильного плача на бас», и еще: «Лопатин и Грот за словом в карман не полезут, отец им свое, они ему свое, точно шахматные турниры»¹¹.

Вскоре желание Лопатина заниматься высокой наукой исполнилось — благодаря поддержке Герье ему все-таки удалось попасть на кафедру философии Московского университета. В 1881 г. вышел первый печатный труд Лопатина — «Опытное знание и философия». А. Белый был свидетелем, как Лопатин писал этот труд: «Он бегал взад и вперед, когда думал; обдумав, строчил: ночи и дни; уже вечерами... видели свет на втором этаже: штора опущена; тень бородатая дико металась на шторе; философ Лопатин сражался с философом Рилем»¹². После этого труда солидные публикации под его именем стали появляться чуть ли не

¹⁰ Шершеневич В. Великолепный очевидец. Поэтические воспоминания 1911 — 1925 гг. // Мой век, мои друзья и подруги. М., 1990. С. 424.

¹¹ Белый А. На рубеже двух столетий. М., 1989. Кн. 1. С. 233.

¹² Там же.

В.С. Соловьев

через год. Послужной список заполнялся последовательно и без особых проблем: в 1883 г. он сдал магистерский экзамен, в 1885 г. получил звание приват-доцента, в 1886 г. защитил магистерскую диссертацию (на основе первого тома «Положительных задач философии», а в 1891 г. — докторскую (на основе второго тома, в 1892 г. стал экстраординарным профессором, в качестве которого читал курсы по истории новой философии и основным проблемам познания, наконец, в 1897 г. — ординарным профессором. Более чем вероятно, что делалось это как бы само собой, без особых стараний со стороны Лопатина, которого интересовала чистота философских истин, ради которых он готов был жертвовать многим. Кстати, Ф.М. Достоевский, познакомившийся с Лопатиным в 1880 г., характеризовал его как человека чрезвычайно умного, весьма мыслящего, чрезвычайно порядочного и в высшей степени «моих убеждений». С того момента, как в 1886 г. руководство Московским психологическим обществом взял на себя Н.Я. Грот, Лопатин, воодушевленный идеей создания в России философской школы, очень активно включился в его повседневную работу: читал лекции, изучал литературу, курировал переводы. И, конечно, основной своей задачей на протяжении всех лет работы в Психологическом обществе он считал защиту идеалистической философии от нападок материалистов, в частности, «врачей-психиатров» (В.П. Сербского, А.Н. Бернштейна, А.А. Токарского, которого, правда, «извиняло то, что он познакомил психологическое общество с гипнотизмом», и С.С. Корсакова, бывшего, по мнению Лопатина, «по задуманному своим убеждениям идеалистом».

В это время окончательно утвердился распорядок дня Лопатина, который многим, кому, например, приходилось идти на заседание Психологического общества к 9 часам вечера, был достаточно тягостным, а у друзей вызывал нескончаемые шутки. «Бывало, по окончании дел во время председательского резюме появлялся после 11 часов Лев

Михайлович. Его встречали добродушным смехом и иногда ироническими аплодисментами»¹³. «Когда Лев Михайлович с опозданием являлся на лекции, уроки или заседания, а вечером на доклады или в гости, то часто приходилось слышать, что «Лев Михайлович-де только что встал». Вставал он часов в 12, а то и в два, читал книги или газеты в постели, долго не решаясь встать... После дневных занятий в университете или в редакции он в седьмом часу возвращался домой, обедал и затем ложился отдыхать. И тут ему встать и поспеть куда-нибудь к восьми или десяти часам вечера бывало очень трудно, и он, как сам выражался, относился к этому катастрофически. Но с 10 вече-

¹³ Трубецкой Е.Н. Воспоминания. София. 1921. С. 189.

М.М. Гермашев. Старый Арбат. 90-е гг. XX в.
МИРМ (Музей истории и реконструкции Москвы)

ра начиналась стихия его жизни: он очень любил тут посещать заседания, театр, журфиксы, затем ехал в Литературно-художественный кружок и после ужина приезжал домой, где и садился заниматься. Личные занятия, таким образом, шли у него ночью и продолжались часто до седьмого часа утра¹⁴. Заседания Психологического общества порой затягивались до часа ночи, но и тогда заядлые спорщики, и первый среди них Лопатин, отправлялись в ресторан «к Тестову», иногда к кому-нибудь домой, здесь их горячие дебаты продолжались с удвоенной силой: на одном из таких ужинов был поставлен на баллотировку вопрос о бессмертии души и «решен в положительную сторону большинством против двух».

Очень часто подобные разговоры переходили в ожесточенные споры, так что окружающие думали, что спорящие ругаются. Спорил Лопатин с азартом, всегда принимая близко к сердцу и философские, и другие культурные темы (драматургия, литература, просвещение, политика, религия). Его глаза «загорались огнем и даже сверкали гневом при каком-нибудь горячем споре»¹⁵. Входя в азарт, становился нетерпимым, язвительным и переставал слушать собеседника: считал, что знает и понимает значительно больше, чем кто-либо другой. Поэтому и знакомиться с современной философской литературой он считал излишним и не делал никаких усилий, чтобы понять все, «что в каком-нибудь Когене или Риккертэ было трудным или скучным, потому что был заранее убежден, что труд не окупится». Когда А. Бергсон, которого в свое время открыл для российских читателей именно Лопатин и многие идеи которого были созвучны «Положительным задачам философии», выразил желание приехать в Россию, Лопатин категорически воспротивился, полагая, что все хлопоты по его приему лягут на его плечи, он же любил привычную неизменность, которая не зада-

вала трудных и новых задач. После трагического для российской философии первого пятилетия XX в., когда скончались Троицкий, Грот, Корсаков, Токарский, Вл. Соловьев, В.П. Преображенский, С.Н. Трубецкой, именно Лопатину пришлось окончательно взять на себя и председательство в Психологическом обществе, и редактирование журнала «Вопросы философии и психологии». Но из-за своего «патриархального духа он уже не оказывал достаточного влияния на молодежь того времени»¹⁶. Поэтому в Москве стали возникать и другие философские общества (например, салон М.К. Морозовой, которые больше ориентировались на современность. Выразительную картину работы Психологического общества этого времени рисует Ф. Степун: «Трудность борьбы с косными московскими традициями я лично впервые почувствовал в разговоре с Лопатиным о магистерском экзамене. Тем же духом, вернее, бытовым укладом повеяло на меня... на заседании Психологического общества в знаменитой Круглой аудитории Московского университета. Доклады здесь читались все более людьми испытанной академической традиции. В прениях обычно выступал сам Л.М. Лопатин... Он давал всегда умный, всегда интересный, но не всегда внимательный к чужому мнению разбор доклада»¹⁷.

Все же винить Лопатина слишком строго не следует — не в его характере были разные административные дела, они были лишь фоном для построения его собственной, «спиритуалистической» философии, которую он разрабатывал из года в год со всей искренностью, на которую был способен. Существенных противоречий его философия, конечно, не избежала, но они были обусловлены и трудностями перевода интуиций в профессиональную речь, и установкой Лопатина найти «решительное» доказательство, способное сразу все другие учения «свести к нулю». В плане же

¹⁴ Попов П. Уцелевшие строки из переписки друзей (Владимир Соловьев и Л.М. Лопатин) // Голос минувшего. 1923. № 1. С. 78.

¹⁵ Морозова М.К. Мои воспоминания // Наше наследство. 1991. VI. С. 103.

¹⁶ Там же. С. 104.

¹⁷ Степун Ф. Россия накануне 1914 года // Вопросы философии. 1992. № 9. С. 91.

интуитивного видения Л.М. Лопатин никогда не изменял одному раз и навсегда выбранному предмету — целостности души человека. При этом еще с самого начала своего философствования он задался вопросом, «признавать ли всемирную психическую силу, разлитую везде, которая непрерывно творчески рождает внутреннюю жизнь индивидуальных животных центров, или надо признать, что сами индивидуальные центры сознания обладают своим независимым творчеством», и выбрал второе — «субстанция не трансцендентна, а имманентна своим явлениям».

В конце XIX в. в широких слоях российской интеллигенции отношение к метафизике было негативным — стремительное развитие естествен-

ных наук заставляло признавать ценность только конкретных эмпирических данных, наглядных и предельно простых. Лопатин в своей попытке возродить метафизику встретил непонимание и «в лучшем случае снисходительное отношение к себе, как странному чудаку, занимающемуся никому не нужными головоломными хитросплетениями»¹⁸. Но его убежденность в важности метафизической философии, раскрывающей «необходимые истины разума», имела весьма существенные основания: он очень рано понял, что есть некоторые, мировоззренческие, вопросы, которые не могут быть решены в окончательном виде в рамках конкретных наук. И главным из них является вопрос о целесообразности человеческой деятельности, о

¹⁸ Огнев А.И. Лев Михайлович Лопатин. Петроград. 1922. С. 16.

ее нравственных основаниях. Уже тогда Лопатин ясно почувствовал, что решение этого вопроса находится не в том измерении, где происходит развитие естественных наук и техники. Именно этим было обусловлено обращение Лопатина к проблеме «свободы воли», ведь именно она является ключевой в обосновании смысла человеческой деятельности, увязывая «естественно-складывающиеся» тенденции и «сознательно-задаваемые» цели: нравственный выбор ориентирован на будущее (цель осуществляется в реальном мире и не предполагает опровержение принципа детерминизма (сама цель имеет предпосылки в реальном мире). Но Лопатин в решении этой проблемы несколько «не рассчитал усилий и проскочил» в план физического, дав следующую, «индетерминистскую» формулировку (кстати, отличную от детерминистского решения Вл. Соловьева): «Нормальным и основным видом причинности в сущем является свобода, и всякая необходимость имеет в свободе свое основание». Конкретно такая формулировка могла бы показаться безосновательной, если не учитывать общего отношения Лопатина к категории материального и его стремления обосновать индивидуальность идеального.

Возможно, еще из лекций Троицкого, который хотя и постулировал важность развития, но понимал его как количественное изменение, Лопатин вынес убеждение, что новое качество (духовное) никак не выводимо из предыдущих этапов (материального). Не ориентируясь на достижения естественных наук конца XIX в., основные представления о материи он почерпнул из... атомистического учения Демокрита, хотя из работ своих коллег-философов мог бы получить более адекватные представления, в частности, из «Задач психологии» К.Д. Кавелина. Но Лопатин в своих поисках истин на все времена пришел к выводу, что материальное имеет такие неизменные свойства, как однородность элементов (атомов), действие механической причинности и закона инерции, отсутствие целеориентированности. Духов-

ное же обладает, по его мнению, противоположными свойствами: качественным разнообразием, творческим характером психических причин, направляющим воздействием субъективной оценки на течение психических процессов, телеологичностью психических актов. Подобное противопоставление материального и духовного выглядело достаточно архаично, но акцент на особых качествах психического позволил Лопатину занять достаточно определенную позицию (правда, скорее оборонительного характера), направленную против тех философов-позитивистов, которые решали проблему духовного «редукцией к материальным основаниям». Лопатин же с самого начала постулировал, что духовное обладает одними качествами, а материальное — другими.

Такое противопоставление материального и духовного, совершенно исключаящее момент развития, имело и определенное тактическое основание: с оппонентами лучше разделаться сразу, в принципе, одним решающим ударом. Поэтому «разгрому» подверглись также и возможные союзники Лопатина. И как жаловался, например, Е.Н. Трубецкой, он вместо того чтобы наводить обязательные для критика справки, чаще предпочитает строить «мучительные догадки» о разных компрометирующих документах. В подобном же ключе была построена критика Лопатиным теории психофизического параллелизма.

Отправной точкой здесь выступала аксиома о «субъектности познания», в соответствии с которой субъект познания имеет дело лишь с собственными ощущениями, а не непосредственно с материальными предметами: «мы все знаем только через призму своего собственного духа... мы никаких объектов не знаем прямо, мы все познаем через психические символы или значки»¹⁹. Но по своему статусу это положение имеет методологический статус, и его роль ограничивается лишь корректировкой философских высказываний — различия, чисто описательные, материального и духовного определяются лишь позицией

¹⁹ Лопатин Л.М. Метод самонаблюдения в психологии // Вопросы философии и психологии. 1902. № 62 (2). С. 1032.

познающего субъекта, его обращенностью либо «на себя», либо «на иное». Как совершенно верно заметил Лопатин: «Тело и душа различны не по существу, а только по точкам зрения, с которых мы их рассматриваем: это одна и та же вещь, но различно проявленная. Одна и та же действительность, являясь себе, есть дух, являясь извне другому, обнаруживает себя как материальное тело»²⁰. Но чтобы идти дальше, требуется введение новых положений, касающихся уже онтологии материального и духовного, и требуется, чтобы эти онтологические положения не вступали в противоречие с методологическими. Лопатин же, пытаясь определить свое отношение к теории психофизического параллелизма, привнес в ее формулировку два логически необязательных момента. Первый: он попытался все-таки определить характер взаимоотношений материального и духовного, хотя только что допустил, что они являются лишь различными описаниями одного и того же ряда событий (в соответствии с этим непосредственно друг с другом они никак не взаимодействуют и пришел к заключению, что «психические факты... представляют из себя только субъективные отражения процессов в нашем мозгу, а в этих процессах нет никакой необходимости, кроме чисто физической; поэтому психические факты не имеют никакого влияния ни на то, что делается в мозгу, ни друг на друга»²¹. И далее, что невозможно сопоставить сложные психические процессы, например, чувство удовольствия или боли с «безразличными и равнодушными механическими процессами, протекающими в нашем теле»²², «Как понять, что душа воспринимает движение инертных тел в нашей мозговой и нервной системе не как движения, а в специфиче-

ской форме ощущений, чувствований, хотений, при всем их поразительном несходстве с какими бы то ни было движениями?»²³.

Второй момент, привносимый Лопатиным в теорию психофизического параллелизма, был обусловлен его желанием усилить позиции ее сторонников («если они в своих же интересах пойдут на некоторые уступки»). Для этого требуется, по его мнению, допустить, что «физический атом только в своем действии на другие атомы является чем-то телесным, что... в своем внутреннем бытии он есть живая монада, психический центр, испытывающий некоторые рудиментарные душевные состояния»²⁴. Надо заметить, что допущение о «всеобщем одушевлении» совершенно излишне для теории психофизического параллелизма. Но и для самого Лопатина такой заход оказался приводящим в конечном счете к фактическому отрицанию его собственных изначальных положений о жестком различении материального и духовного. Если весь материальный мир представляет собой исключительно систему одушевленных монад, то свойства материального (однородность, механистичность и пр.) перестают быть онтологическими, «от века», и становятся гносеологическими, «преходящими», характеризующими лишь взаимодействие монады-человека с монадами-предметами. При этом закономерно происходит расщепление единого процесса познания на два: процесс мышления, ограниченный «механистичностью» логики, и процесс созерцания, имеющий сверхчувственный характер²⁵.

Таким образом, обращение Лопатина к теории психофизического параллелизма служило для него, скорее, поводом для представления публике своих собственных представлений о

²⁰ Лопатин Л.М. Параллелистическая теория душевной жизни // Вопросы философии и психологии. 1895. № 28 (3). С. 368.

²¹ Лопатин Л.М. Курс психологии. Лекции, читанные на историко-филологическом факультете Имп. Московского университета и на Высших женских курсах в 1903—1904 академическом году. М., 1903. С. 28.

²² Лопатин Л.М. Параллелистическая теория душевной жизни // Вопросы философии и психологии. 1895. № 28 (3). С. 373.

²³ Лопатин Л.М. Курс психологии. Лекции, читанные на историко-филологическом факультете Имп. Московского Университета и на Высших Женских курсах в 1903—1904 академическом году. М., 1903. С.145.

²⁴ Лопатин Л.М. Параллелистическая теория душевной жизни // Вопросы философии и психологии. 1895. № 28 (3). С. 380.

²⁵ Гайденко П.П. Экзистенциалистски-мистические версии диалектики // Идеалистическая диалектика в XX столетии. М., 1987. С 60—61.

природе психического. И в этом плане более существенным и адекватным было противопоставление им его «целостного» подхода к психическим процессам, с одной стороны, и «расчленяющего», свойственного физиологам, с другой. Основной познавательный вопрос, который он при этом ставил: как возможно существование единого, качественно особенного образа восприятия на основе частных признаков? Здесь он пришел к чрезвычайно интересному выводу, что «целое» и «части» существуют на различных уровнях организации и «нашему духу присуща сила синтеза»; «то, что в самом ощущении является как последовательный ряд моментов его развития, объединяется и сливается сознанием в один психический факт»²⁶. Правда, обоснование этого вывода приводилось не очень убедительное: «Возьмем восприятие какой-нибудь самой простой вещи... и попытаемся приблизительно наметить на анатомической карте мозга те его части, которые должны функционировать, чтобы такое восприятие могло состояться: какой выходит поразительный контраст между простотой психического события и необыкновенно сложностью и разбросанностью его физиологического коррелята»²⁷. Так как, по его мнению, невозможно помыслить, чтобы мозговые процессы, столь разъединенные, чем-то объединялись, то выход остается только один — признать существование души, сверхвременной и внепространственной, «как пребывающей, внутренне единой, деятельной силы, созидающей себя, которая по неизвестным нам причинам связана с телом и стремится реализовать себя в нем, как в своем органе, а через него и в окружающем мире»²⁸. Можно, кстати, отметить, что при таком подходе воспроизводится мысль Декарта, транслированная Троицким, о внепространственности духовно-

го, — те элементы, которым соответствуют во внутреннем плане мозговые процессы, объединяются в целостный образ в внепространственном плане, в плане духовного.

Подойдя более или менее обоснованно к положению, что целое не сводится к сумме своих частей — «каждое явление души обладает своим, особым, индивидуальным качеством... ощущение звука нельзя выразить в терминах ощущение света»²⁹, Лопатин постарался конкретизировать это положение и применить к различным психологическим процессам. Самое простое обоснование при этом получила память: если душа представляет собой «сверхвременную субстанцию», то всё ею однажды испытанное просто остается в ней навсегда и именно в том порядке, как оно было пережито. Такое, слишком простое, решение проблемы памяти вряд ли представляло какой-нибудь интерес, но оно послужило основой очень интересного положения, оставшегося, правда, неразвернутым: в памяти запечатлеваются не ситуации сами по себе, а нахождение субъекта в ситуации, и, соответственно, «существует гораздо больше степеней сознания, чем мы привыкли думать», — в каждую единицу времени мы имеем «сознание о нашей личности, о всей нашей прошлой жизни», или «неопределенное общее чувство», «темный инстинкт прошлого»³⁰.

Далее, если душа сверхвременна (т. е. бессмертна) и имеет то или иное априорное содержание, ее рассудочная деятельность также имеет доопытные основания. Так Лопатин приходит к выделению в мышлении представлений, основанных на эмпирическом опыте, и категориальных понятий: «В нашем уме кроме представлений о вещах существуют понятия о них, как некоторые... психические образования с универсальным содержанием, с помощью которых мы и мыслим все общие

²⁶ Лопатин Л.М. Курс психологии. Лекции, читанные на историко-филологическом факультете Имп. Московского университета и на Высших женских курсах в 1903—1904 академическом году. М., 1903. С. 170.

²⁷ Там же. С. 122.

²⁸ Там же. С. 124.

²⁹ Там же. С. 61.

³⁰ Лопатин Л.М. Понятие о душе по данным внутреннего опыта // Вопросы философии и психологии. 1896. № 32 (2). С. 293.

положения и истины»³¹, «в мышлении присутствуют данные сверхчувственного характера, не обладающие никакой наглядностью; и все умственные операции имеют дело с ними: ведь в каждом суждении если не подлежащее, то по крайней мере сказуемое имеет непременно общее содержание»³². Конечно, проблема мышления не решается сведением его лишь к эмпирическому опыту, в этом Лопатин безусловно прав, но там, где «эволюционист» увидел бы результат филогенетического или исторического развития, Лопатин был вынужден постулировать наличие неизменных, качественно своеобразных содержаний, — по сути дела, им были введены в картину мира наряду с монадами-сущностями также и монады-идеи в форме абсолютных истин и моральных суждений.

Приписывание «спиритуалистического» содержания тем или иным процессам просматривается также в учении Лопатина о бессознательном. Опираясь в значительной степени на результаты опытов с гипнотизмом, он пришел к заключению, что элементы бессознательной жизни, выступающие по отношению к сознанию внешней силой, внутри себя обладают признаками субъекта (активность, целенаправленность). При этом «в нашем духовном существе мы соприкасаемся не с одним каким-нибудь центром бессознательной (т. е. неосознаваемой для нас) психической деятельности, а со многими»³³, в частности, «когда мы испытываем резкую боль ...в этом ощущении выражается борьба наших нервных клеток против нарушения их нормальных отправлений; но не мы сами ведем эту борьбу, мы только ей невольны и страдательно сочувствуем»³⁴. При таком подходе сознанию

человека приписывается функция не только самосознания, но и взаимодействия с монадами других уровней: с клетками-монадами, с мозгом-монадой, с телом-монадой — «наш организм представляет для нашего самочувствия как бы некоторый типичный двойник»³⁵, — с ощущениями-монадами — «ощущение со своими особыми качествами (например, тот или иной определенный цвет или звук) бывает дано нашему сознанию, а не создается его усилиями»³⁶. Достаточно бесплодный в целом, этот подход, по крайней мере в одном случае, привел Лопатина к нетривиальному решению, а именно, в отношении основного закона психофизики — закона Вебера-Фехнера, который довольно широко дискутировался на страницах «Вопросов философии и психологии». Сформулированный в контексте решения проблемы связи души и тела, этот закон, по-видимому, начиная с Н.И. Шукшина, затем и у Н.В. Бугаева приобрел несколько необычную и не совсем правильную формулировку: при непрерывном изменении физического раздражителя психическое состояние изменяется прерывно, скачками. Лопатин же, основываясь на этой формулировке, дал свое определение: «Далеко не все перемены в частях мозга, с которыми связана душевная жизнь, отражаются в психической сфере, а лишь достигнувшие известной интенсивности»³⁷, и еще «мы никогда не воспринимаем бесконечно малых звеньев психического ряда... мы каждое наше ощущение признаем одним ощущением, каждую нашу мысль — одной мыслью»³⁸. Тем самым он привнес в исходную формулировку две гипотезы. Первая — речь должна вестись о трех уровнях: о физическом мире, о мозге со связанной

³¹ Лопатин Л.М. Курс психологии. Лекции, читанные на историко-филологическом факультете Имп. Московского университета и на Высших женских курсах в 1903—1904 академическом году. М., 1903. С. 45.

³² Лопатин Л.М. Метод самонаблюдения в психологии // Вопросы философии и психологии. 1902. № 62 (2). С. 1078.

³³ Лопатин Л.М. К вопросу о бессознательной душевной жизни // Вопросы философии и психол. 1900. № 54 (4). С. 748.

³⁴ Лопатин Л.М. Курс психологии. Лекции, читанные на историко-филологическом факультете Имп. Московского университета и на Высших женских курсах в 1903—1904 академическом году. М., 1903. С. 152.

³⁵ Там же.

³⁶ Лопатин Л.М. К вопросу о бессознательной душевной жизни // Вопросы философии и психологии. 1900. № 54 (4). С. 746.

³⁷ Лопатин Л.М. Курс психологии. Лекции, читанные на историко-филологическом факультете Имп. Московского университета и на Высших женских курсах в 1903—1904 академическом году. М., 1903. С. 126.

³⁸ Там же. С. 98.

с ним душевной (неосознаваемой жизнью и о психической (сознательной) деятельности. Вторая — на уровне сознания существует что-то, что срабатывает как детектор, когда процесс на досознательном уровне достигает какого-то уровня или качества. Излишне добавлять, что Лопатин оставил эти гипотезы без малейшего рассмотрения, так как они требовали конкретного психологического анализа.

Психологический эксперимент Лопатин не признавал, а современную психологию знал крайне недостаточно: в его трудах можно встретить не больше 2–3 более или менее интересных описаний конкретных психологических процессов (в частности: «Удовольствия мы получаем тем меньше, чем больше будем себя отвлекать наблюдением» или «Вначале мы всегда имеем дело с эмоциональной окраской ощущения»). Занимаясь прежде всего онтологией душевных процессов, он в качестве основной исследовательской парадигмы выбрал противопоставление души и тела. Но всех ее потенциалов он реализовать не смог. И она не столько помогала ему, сколько мешала адекватно выразить свои интенции в отношении души, заставляя включаться в борьбу различных «философских партий», тратить все силы на критику идейных противников. В большинстве его статей появление тех или иных «спиритуалистических» идей было мотивировано прежде всего необходимостью решения традиционных философских проблем (духовное и материальное, качество и количество и т. д.), что было достаточно внешним по отношению к его интуиции. И, по-видимому, лишь в конце своей жизни Лопатин осознал, что споры о том, как надо строить онтологию, не обязательно ведут к ее пониманию. В этом плане очень показательна его статья «Неотложные задачи современной мысли», в которой почти полное отсутствие критических моментов позволило Лопатину достаточно определенно высказать все то, что он все время предчувствовал.

Прежде всего надо заметить, что представления о душе у Лопатина формировались, возможно, не

столько на научной литературе, сколько на... «страшных рассказах» — «о синем, фосфорически светящемся кувшине, который летал; о могильном старичке с кисточкой; о пустом мужике без тела, но в халате»³⁹. Кстати, он считался замечательным рассказчиком этих жутких историй: «Эманация духа... вызывалась у слушателей самой его наружностью, в особенности его огромными горящими глазами... Глаза эти, ярко светящиеся сквозь неизменно окружающее философа облако табачного дыма, обладали силой какого-то доброго и ласкового гипноза»⁴⁰. После его рассказов таинственным голосом в полумраке всем становилось жутко, и первому, конечно, самому Льву Михайловичу. Интерес к мистическому, потустороннему нашел свое отражение и в его увлечении спиритизмом — он, так же как и несколько раньше Юркевич, очень серьезно относился к «столеверчению» и «писанию с помощью блюдечек», становясь часто жертвой розыгрыша друзей. Хоть как-то увязать представления о душе, которые соответствовали бы положениям спиритизма, с достижениями естественных наук конца XIX — начала XX в., удавалось лишь немногим (Е.П. Блаватской, Р. Штейнеру), с позиции же «профессорской философии» это было практически невозможно. В «Неотложных задачах...» Лопатин фактически отказался от своего профессорского образа и просто рассказал, в достаточно целостной форме, свою систему, не доказывая, а только говоря: «Прочему бы не допустить...» Почему нельзя допустить, что душа — это «эфирный организм», находящийся в физическом теле; что душа может действовать и вне физического тела и быть бессмертной; что душа может действовать на физические объекты, но для этого требуются особые условия; что есть духовный центр всемирной жизни; что целью мира является соединение духовных существ со своим источником и между собой? Во всех этих допущениях не было ничего действительно невозможного, но нового — тоже ничего. С подобными мирозерцаниями российский читатель был уже знаком достаточно хорошо, в

³⁹ Басманов А. Особняк за потайной дверью. М., 1981.

⁴⁰ Трубецкой Е.Н. Воспоминания. София, 1921. С. 189.

какой-то степени и благодаря более ранним трудам самого Лопатина. Но можно предполагать, что смысл этой статьи для Лопатина был не столько в доказательстве своей философской системы, сколько как бы в выборе новой жизненной позиции, позиции верующего человека — в предчувствии надвигающихся революций.

В первые послеоктябрьские годы уклад жизни московской интеллигенции был почти полностью разрушен. Только Московский университет за 1919—1920 гг. похоронил 12 профессоров, не выдержавших голода и моральных страданий⁴¹. Все друзья и знакомые Лопатина, которые остались в России, жили чрезвычайно тяжело, но еще большую роль стали играть чисто человеческие отношения. Лопатин был совершенно убежден в том, что человек не может умереть до тех пор, пока его земная миссия не будет исполнена, и в этом он старался убедить других. Так, в одном частном письме он писал: «Я убежден, что все происходящее нужно, что оно представляет болезненный и мучительный процесс возрождения человечества (да, человечества, а не одной России) от задавившей его неправды и что приведет он к хорошему, светлому и совсем иному... Когда темно кругом и темно впереди, — чтобы не упасть духом, не растеряться, не прийти в отчаяние, а бодро делать свое дело, — надо крепко верить, что нет такого мрака, которого не рассеют лучи вечного света»⁴². И он верил, что свою миссию — теперь это была работа над религиозными вопросами, «чтобы поднять религиозный уровень русского общества», — он еще успеет выполнить. За несколько месяцев до своей смерти он производил впечатление человека, еще полного умственных сил.

Но его организм, истощенный недоеданием и тяготами новой жизни, не хотел больше слушать «прибежищем» лопатинского духа. Всегда

тяжело переносивший холода, Лопатин в марте 1920 г. простудился и заболел воспалением легких. Когда положение стало критическим, к нему начали приходить друзья — проститься. Пришла и М.К. Морозова, давний друг Лопатина: «Он лежал с закрытыми глазами и, услышав мои шаги и увидав меня, вдруг с каким-то порывом привстал и устремил на меня свои большие и выразительные глаза, стал что-то беззвучно говорить и опять вдруг упал на подушки, закрыл глаза и замолчал. На другой день он скончался. Гроб невозможно было пронести по этой узенькой деревянной лесенке наверх в спальню Льва Михайловича. Тогда один человек без труда взял на руки его маленькое легкое тело, одетое в черный сюртук, и снес его вниз. У меня врезалась в память его откинутаая назад голова, беспомощно висевшая маленькая тонкая рука и свисавшие такие же маленькие ноги в белых носках»⁴³. Последним его пристанищем стало кладбище Новодевичьего монастыря.

Так 21 марта 1920 г. умер один из последних идеалистов прошлого века, названный В.И. Лениным «философским черносотенцем». Философские идеи Льва Михайловича Лопатина, безусловно, оказали существенное влияние и на его университетских учеников (П. Флоренского, С. Франка и на тех, с кем ему приходилось полемизировать (например, Н. Бердяева и Л. Шестова, благодаря которым через издаваемый им в 20-х в Париже журнал «Путь» познакомились с этими идеями французские персоналисты. В основном это касалось обоснования Лопатиным роли индивидуального начала. Но его психологические идеи, прежде всего о целостности психической жизни, вряд ли были тогда услышаны, и их пришлось переоткрывать уже другим.

И.М. Кондаков

⁴¹ Новиков М.М. Московский университет в первый период большевистского режима // Московский университет. 1755—1930. Юбилейный сборник. Париж, 1930. С. 182.

⁴² Попов П. Л.М. Лопатин (21/8 марта 1920 г. // Голос минувшего, 1920—1921. М., 1921. IX. С. 164.

⁴³ Морозова М.К. Мои воспоминания // Наше наследство. 1991. VI. С. 104.